

КНИЖНАЯ
ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Гид по ранним коллекциям Кунсткамеры

ПЕТЕРБУРГ: ТАЙНЫ, МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ

Сергей Арно
Фредерик Рюйш
и его дети

Петербург: тайны, мифы, легенды

Сергей Арно

**Фредерик Рюйш и его дети. Гид по
ранним коллекциям Кунсткамеры**

«Страта»

2012

УДК 821.161.1 + 61(091)

ББК 84(2Рос=Рус)

Арно С. И.

Фредерик Рюйш и его дети. Гид по ранним коллекциям
Кунсткамеры / С. И. Арно — «Страта», 2012 — (Петербург:
тайны, мифы, легенды)

ISBN 978-5-9909969-9-1

Фредерик Рюйш – голландский анатом и судебный медик XVII – начала XVIII века, который видел в смерти эстетику и создал уникальную коллекцию, давшую начало знаменитому собранию петербургской Кунсткамеры. Всю свою жизнь доктор Рюйш посвятил экспериментам с мертвой плотью и создал рецепт, позволяющий его анатомическим препаратам и бальзамированным трупам храниться вечно. Просвещенный и любопытный царь Петр Первый не единожды посещал анатомический театр Рюйша в Амстердаме и, вдохновившись, твердо решил собрать собственную коллекцию редкостей в Петербурге, купив у голландца препараты за бешеные деньги и положив немало сил, чтобы вывести секрет его волшебного состава. Историческо-мистический роман Сергея Арно с параллельно развивающимся современным детективно-романтическим сюжетом повествует о профессоре Рюйше, его жутковатых анатомических опытах, о специфических научных интересах Петра Первого и воплощении его странной идеи, изменившей судьбу Петербурга, сделав его городом особенным, городом, которого нет на Земле.

УДК 821.161.1 + 61(091)

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-9909969-9-1

© Арно С. И., 2012

© Страта, 2012

Содержание

Глава 1. Страшный дом	7
Глава 2. Смерть попсе	13
Глава 3. Фредерик Рюйш. Детство, отрочество, юность	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сергей Арно

Фредерик Рюйш и его дети. Гид по ранним коллекциям Кунсткамеры

© Арно С. И., 2012

© «Страта», 2017

* * *

Интерес публики к анатомии в конце XVII века в Европе был огромен. Обыватели платили немалые деньги за посещение анатомического театра, где на их глазах вскрывали трупы людей, демонстрируя внутренние органы, опухоли, доставая из печени или желчного пузыря камни, показывая мозг умершего... Дамы... да и не только дамы, но и кавалеры, а также и суровые знатные отцы семейств, случалось, падали в обморок на таких сеансах. Но любопытство за счет этого подогревалось еще сильнее. Народ просто валом валил на вскрытия и в кабинеты редкостей, в которых выставлялись внутренние органы в спирту, забальзамированные части человеческого тела, скелеты казненных... При всех крупных дворах Европы существовали придворные анатомы, производившие публичные вскрытия трупов. И нужда ощущалась уже не в анатомах, а в трупах. Мода есть мода.

Профессия хирурга сделалась одной из самых почетных и уважаемых в столице Голландии Амстердаме. Ведущие анатомы Иоанн Сваммердам, Ван-Горн, Антон Левенгук, ну и, конечно, Фредерик Рюйш приглашались во многие знатные дома города. Они были буквально нарасхват, отказываться было нельзя, каждый стремился пожать им руку. Но главным затворником среди анатомов считался судебный врач, без которого не проходило ни одной казни, Фредерик Рюйш. Ему одному среди своих коллег удалось приблизиться к великой Тайне вечности бытия... Тайне, которую разгадает только он и которую много лет спустя унесет с собой в могилу.

Глава 1. Страшный дом

Последние слова:

– Только один человек меня понял...

Да и тот меня понял превратно.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель

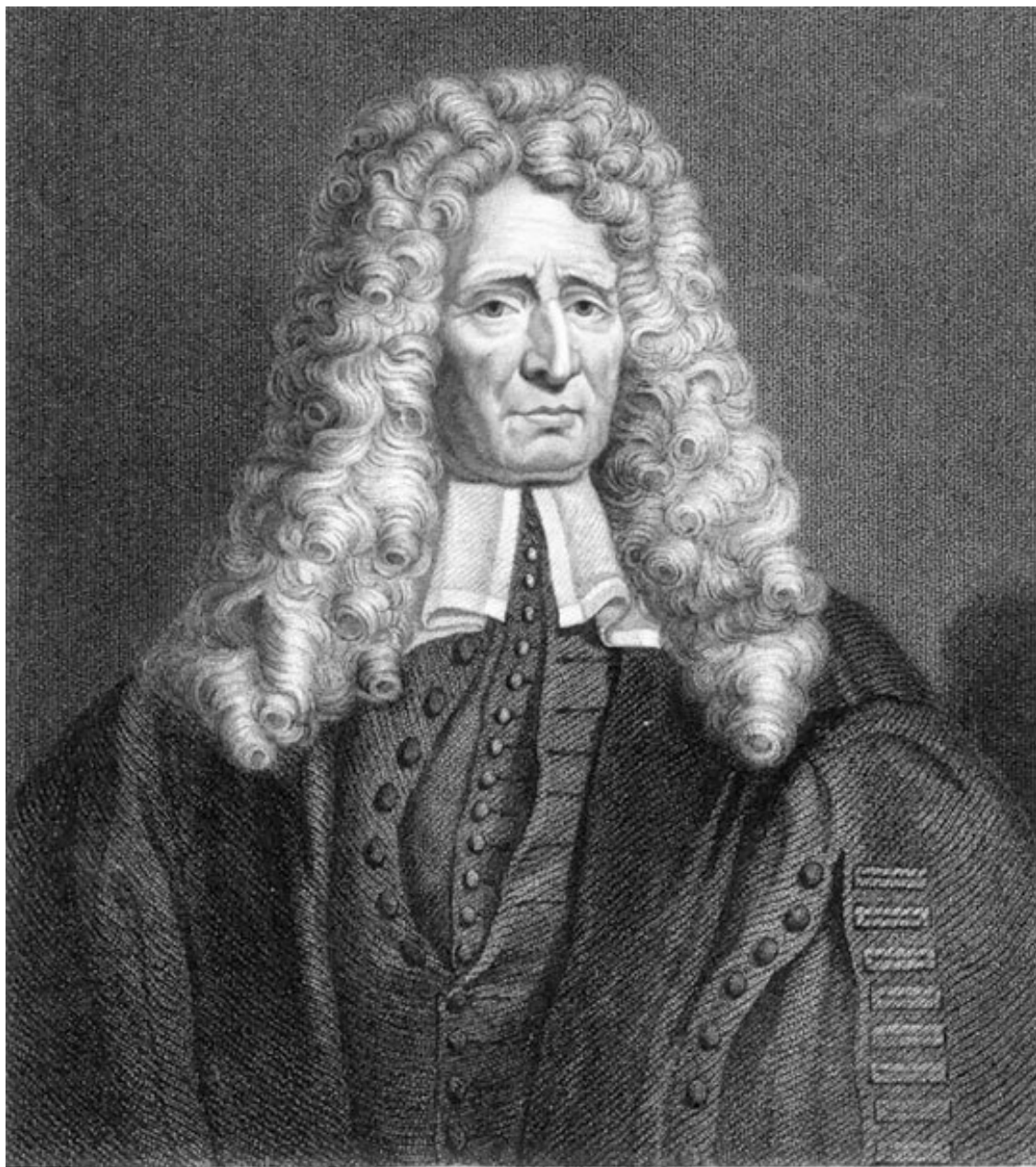
Амстердам, год 1680

По ночам, когда почтенные жители Амстердама спят, а по улицам шатаются лишь подвыпившие повесы, женщины легкого поведения да разбойный люд, возле дома врача, судебного медика Фредерика Рюйша останавливалась карета. Ее ждали. Тотчас появлялся слуга с факелом, двое других, лиц которых было не разглядеть в темноте, стараясь не шуметь, вытаскивали из кареты двухметровый сверток и бережно заносили в дом.

По лестнице сверток спускали в подвал. Впереди с канделябром в руке, освещая дорогу, вышагивал главный слуга. Звали его Гуго. Он был хотя и невысок ростом, но широкоплеч и обладал огромной физической силой, иногда в пьяной компании ради шутки сгибал подкову или разрывал колоду карт. Вся прислуга в доме боялась его гнева, в особенности его тяжелых кулаков. Служил он у Рюйша уже восемь лет, и хозяин доверял ему многие тайны.

– Осторожнее! – сказал Гуго через плечо, увидев, как один из слуг оступился и чуть не выронил сверток. – Хозяин голову оторвет.

Художник смерти Фредерик Рюйш (худ. Ян Ванделаар)

– Что-то слишком уж тяжел, – проговорил шедший последним слуга. – Толстяк, наверное. Зачем ему их столько, ведь на прошлой неделе троих привезли?

Этот слуга недавно поступил на службу к Рюйшу и не знал царивших здесь законов. Тот, кто задавал лишние вопросы, долго не задерживался.

– Хозяину самому решать, – грубо бросил через плечо Гуго, – а ты помалкивай, если тумачков отведашь.

Гуго толкнул массивную дверь и вошел, вслед за ним внесли сверток. В призрачном мерцании свечей слугам представилась необычная картина: кругом – на полках, на больших столах, которых в комнате было четыре, – лежали человеческие останки. На одном из них, раскинув руки, устремив в потолок острый, необычайно длинный нос и подбородок, возлежал труп обнаженного мужчины. В этом не было бы ничего столь уж странного, если бы не оголенные ребра грудной клетки, торчавшие в разные стороны и напоминавшие скелет рыбы. Внутри же, по-видимому, ничего уже не было: органы были вырваны из клетки и покоились в сосудах со спиртовым раствором. На других столах, прикрытые тканями, лежали, должно быть, такие

же горемыки. На полках располагались сосуды, в которых покоились как внешние, так и внутренние части детских, женских и мужских тел. Некоторые части имели вид бесхозный и как попало валялись в разных местах, представляя для человека непривычного картину ужасную.

Но на слуг, доставивших мертвое тело, этот кажущийся беспорядок не произвел никакого впечатления. Они бережно, как какую-то драгоценность, водрузили его на незанятую часть стола и освободили от материи. Это оказалась еще молодая женщина в грубой одежде смертницы. Голова ее была повернута набок, шею обвивал кусок веревки.

Ее казнили за детоубийство три дня назад, и по закону тело ее должно было провести на виселице еще один день, но у судебного медика были особые права. Вернее, возможность обойти законы, заплатив кому надо. Бывало, в праздничные дни, когда казненных было особенно много, в подвале у Рюйша скапливался излишек покойников, так что не продохнуть, и он перепродавал тела другим анатомам, всегда оставаясь в выгоде.

– Все, пошли, – приказал Гуго.

Он обвел внимательным взглядом помещение. В пляшущих языках пламени хранящиеся здесь необычные предметы отбрасывали причудливые тени и словно бы двигались, оживали... Оживали заспиртованные руки и ноги, глядящие сквозь стекло хрустальные глаза заспиртованных детских головок, как живые, отражали огонь свечей – все двигалось и шевелилось. Но не эти наблюдения привыкшего к мастерской хозяина Гуго заставили его более пристально осмотреться кругом. Он заметил, что небольшое, выходящее во двор оконце под потолком слегка приотворено и оттуда свисает кусок веревки.

Принесшие труп слуги уже подходили к двери. Гуго в последний раз окинул взглядом мастерскую и пошел вслед за слугами.

Минут через десять после того как слуги, оставив на столе тело детоубийцы, вышли из мастерской, Гуго в полной темноте на ощупь медленно и бесшумно спустился обратно в мастерскую. Предпоследняя ступень лестницы скрипела, и Гуго перешагнул ее. Дверь он предусмотрительно оставил чуть приоткрытой и сейчас в темноте, подкравшись к ней, стал смотреть в щель.

В мастерской было двое мужчин. У одного в руке горела свеча. Они склонились над столом, на котором лежало тело принесенной женщины.

– Эльса убила тфох тетей, – проговорил один из них с сильным немецким акцентом, нещадно картавя слова. – Форофка, фидишь клеймо... ей бы дафно следофало палтаться на виселица. А приятно фсеж-таки встретить снакомого, даже ф этом чертофом томе.

– Она была ничего, – сказал второй мужчина с хриплым простуженным голосом. Он говорил с натугой, будто горло ему уже стягивала веревка. – Как бы нам с тобой не направиться за ней следом...

– Ладно, Якоб, дафай искать, сачем пришли. Но это не сдесь, наверно, сдесь одна дрянь, – проговорил человек с акцентом. – Грэм скасал: бумаги. А сдесь трупы. Фон там я тферь фител, может быть, там этот железный ящик, – он махнул рукой. – Пошли смотреть.

– Пошли, только дай я сначала свою свечу зажгу, – с напряжением связок прошептал Якоб и протянул свечу.

Внимательно вслушиваясь в каждое слово пришельцев, Гуго отметил для себя имя Грэма – одного из старых и злейших врагов хозяина. Когда-то Грэм был учеником Рюйша, потом их отношения сильно охладели, Грэм стал писать на своего бывшего учителя доносы, при каждом удобном случае издеваясь над его слабыми теоретическими познаниями в медицине.

Стараясь не шуметь, Гуго приоткрыл дверь и бесшумно проскользнул в мастерскую, опустившись на четвереньки, он потихоньку стал продвигаться к мужчинам по каменному полу.

– Не хотел я, Ханс, с тобой идти, и три гульдена, которые пообещал Грэм, мне поперек глотки встанут. Это же жилище самого сатаны. Чувствую я, будем мы болтаться с тобой на виселице.

– Не дрэйфь. Один шорт болтаться. Ранше, посже, какая расница, – подбодрил его Ханс, считая, что этим поднимет настроение своему товарищу. Свеча его разгорелась, и он двинулся к двери в углу мастерской. – Если найдем нушный шелезный ящик с нушными бумагами, нас Грэм озолотит. Ты тумашь, три паршивых гульдена ему обойдется эта работка?! Я-то фидел, как фешали тех, которые салесай ф этот том... – шедший впереди Ханс вдруг остановился, прислушался. – Тихо!

Гуго тоже остановился и, прикинув к полу, замер. – Будто шуршание, – прошептал Ханс. Он поднял над головой свечу, освещая помещение.

Гуго прижался к каменному полу и, затаив дыхание, слушал. Он готов был в любой момент броситься на незваных пришельцев. Но он знал, что вступать в драку в заставленном сосудах с препаратами помещении опасно. Едва ли удастся сохранить все в целости. А если хоть один препарат погибнет, хозяин будет очень недоволен и тогда придется попрощаться с должностью главного слуги. Хозяин такого не прощал. Был у Гуго другой план – получше.

– Крыса, наверное, – натужно прохрипел Якоб, но в голосе его не было уверенности, в нем слышался страх. – Давай скорее искать этот ящик...

Ханс повернулся, сделал несколько шагов к двери, что-то вдруг загремело и со звоном упало на пол.

– Швахн зибарн! – сквозь зубы выругался Ханс по-немецки. – Проклятый том!

Гуго, соблюдая предосторожность, пополз следом за ними. Несмотря на то, что он хорошо ориентировался в помещении, бесшумно ползти в темноте не удавалось, так что он из предосторожности делал частые остановки. Гуго заполз под большой деревянный стол, уставленный препаратами, потом тихонько обогнул угол тумбочки и остановился, здесь нужно было подождать.

– Замок, – прохрипел Якоб, в темноте что-то звякнуло. Кованую дверь открыть было непросто. – Сейчас отмычки достану.

– Хороший немецкий самок, самый крепкий самок, – похвалил немец.

– Сейчас мы этот немецкий замок скovyрнем... – бурчал негромко Якоб, позвякивая связкой отмычек.

Для него, старого вора, открывшего не один десяток замков, этот тоже не был помехой. Хоть немецкий, хоть голландский...

Гуго двинулся дальше. Он полз медленно, напряженно прислушиваясь. Парик все время сползал на глаза, и его приходилось поправлять; под колени лезли полы сюртука. Он обогнул полутораметровый сосуд с заспиртованным семилетним ребенком, неудачным – как считал хозяин – экспериментом, который все собирался выбросить, да руки не доходили. Прополз мимо черной бочки с раствором для препаратов и остановился. Теперь нужно было ждать, от злоумышленников его отделяла лишь большая тумба красного дерева, на которой лежали отрезанные члены и стояли сосуды с органами. Еще некоторое время Якоб и Ханс, тихонько поругиваясь каждый на своем языке и переговариваясь, возились с замком. Он и вправду оказался «хороший немецкий самок». Так что у Гуго заболели колени от долгого лежания на одном месте.

– Наконец-то, – проговорил Якоб.

Что-то звякнуло, с лязгом отодвинули засов, заскрипели дверные петли...

Гуго тихонько приподнялся с колен и выглянул из-за тумбы.

– Вон этот шкаф железный, – сказал Якоб, входя в комнату первым. Вслед за ним, прикрывая ладонью пламя свечи, озираясь, вошел и Ханс. «А вот теперь пора!» – подумал Гуго, выходя из-за тумбы. Он подкрался к двери и заглянул в щель. Помещение было просторным,

на полу лежали несколько тел, уже готовых к препарированию в анатомическом театре, возле большого железного шкафа, высоко подняв над головой свечи, стояли Ханс и Якоб.

Гуго не стал отрывать их от размышлений – он с грохотом захлопнул взвизгнувшую петлями дверь и задвинул засов.

– Ко мне! – гаркнул он вдруг во весь голос.

Почти тотчас дверь распахнулась, и в помещение мастерской вбежали трое слуг с зажженными канделябрами. И, несмотря на лежащую кругом мрачную человеческую атрибутику, везде стало вдруг светло и радостно.

– Вы двое, встаньте у двери, – приказал Гуго подошедшим к нему слугам.

В дверь раздалась мощные удары, Якоб с Хансом старались выбить дверь изнутри. Но это было бесполезно: Гуго сам следил за установкой двери. Он был самозабвенно предан хозяину, и эта дверь в холодную, где обычно держали лишних покойников, выглядела как хранилище главного секрета, за которым, собственно, и велась охота.

Дверь эта и шкаф с хранящимися в нем самыми главными документами и дневниками хозяина были не чем иным, как обманкой. Все в доме, кроме Гуго, ну и, конечно, самого хозяина, были уверены, что самое ценное в доме хранится именно за этой дверью. Потому все воры, пробиравшиеся в дом Фредерика Рюйша, искали именно эту дверь и шкаф, который стоял за этой дверью, – и находили. Обманка эта была изобретением Гуго, чем он очень гордился. Нередко завистливые анатомы нанимали воров, чтобы выкрасть секреты, которыми обладал хозяин. От этого было все равно не избавиться.

Взяв у одного из слуг канделябр, Гуго направился в опочивальню хозяина с докладом.

Якоб и Ханс сидели на каменном полу холодной комнаты, привалившись спинами к стене, в ожидании решения своей участи, перед ними на полу горели две свечи. Рядом лежало тело мертвого человека, его голые грязные ноги с длинными ногтями торчали из-под накрывавшей его рогожи. В комнате не было окон и дверей, кроме одной, окованной железом, – открыть ее было невозможно, и они понимали, что обречены.

– Я фсял тебя, чтобы ты мог саработать, – негромко сказал Ханс, глядя на огонек свечи. – Я не тумал, что все так...

– Теперь нас повесят, – тоже негромко и спокойно проговорил Якоб. Моя жена с детьми останется одна.

– Я фсял тебя, чтобы ты мог саработать...

Они снова молча уставились каждый на свою свечу. Было тихо. Сюда не достигало ни единого звука, казалось, и там, за железной дверью, тоже никого нет, но они знали, что пройдет совсем немного времени, и за ними придут... – Я тумал открыть в Гамбурге пифную. В Гамбурге любят пифо...

Но договорить он не сумел: с лязгом отодвинулся засов, дверь, взвизгнув, отворилась, и в помещение вбежали пятеро слуг: один с канделябром, четверо других заставили Ханса и Якоба подняться и крепко схватили их за руки. Следом за ними в помещение с достоинством вошел высокий мужчина лет пятидесяти, одетый в дорогой камзол, в напыленном парике, у него были орлиный нос, плотно сжатые тонкие губы и властный взгляд. Его сопровождал Гуго.

Он подошел к Якобу и несколько секунд грозно на него смотрел. Якобу стало вдруг невыносимо жутко под этим направленным на него взглядом, он побледнел и мелко затрясся всем телом, из глаз вдруг сами собой потекли слезы. Он не видел в этих надменных серо-голубых глазах надежды, он видел в них свой приговор.

Рюйш вдруг протянул к Якобу руку и потрогал его предплечье, потом повернул его голову, заглянув в ухо, оттянул нижнее веко и внимательно посмотрел на глазное яблоко. Якоб в страхе попытался вырваться, но слуги держали его крепко.

– Агордидут витарус, – негромко на латыни проговорил Рюйш, ни к кому не обращаясь, для себя.

Он сквозь одежду ощущал так же ляжку Якоба. Зачем этот человек ощупывает его, Якобу было понятно и без объяснений: он видел в мастерской расчлененные тела. Это значило, что и его ждет та же участь, что скоро его члены и органы будут разложены на столах, помещены в банки, засушены и замаринованы, и никакой черт уже не соберет из них прежнего Якоба. Пот и слезы текли у него по лицу. Он хотел сказать, чтобы его не убивали, что у него дома Эльза и пятеро голодных ребятишек, что на прошлой неделе умер младшенький Робин, что он хотел только заработать три гульдена и никакие секреты мира ему не нужны, только бы уйти отсюда... Что будет делать Эльза, если он не вернется?.. Что будут есть его дети?.. Особенно младшенький Робин, ведь он такой слабый... Да нет!.. Он же умер. В голове Якоба мешались живые и мертвые. Он вспомнил свою мать, которая умерла много лет назад, друга, повешенного за то, что он украл на рынке гуся... Он вспоминал мертвых, вспоминал живых и плакал.

– Пердантус венерус... – между тем бубнил Рюйш, продолжая внимательный осмотр. – Пусть откроет рот, – повернувшись к Гуго, который стоял ближе всех, сказал Рюйш.

– Открой рот, – сказал он Якобу. Но тот продолжал пучить глаза, мысли его были в другом месте – с женой Эльзой, с оставшимися в живых и умершими... – Открой рот! – гаркнул Гуго и ткнул Якоба в живот.

Якоб будто очнулся от толчка и широко, отчаянно широко разинул рот, как будто это могло спасти или хотя бы продлить его жизнь.

– О-а! Сик транзит глория мунди... – заглянув в раскрытый рот, проговорил Рюйш и перешел к Хансу.

Здесь он был более внимателен и продолжал осмотр в два раза дольше.

Сначала он оттянул нижнее веко Ханса, чуткими пальцами потрогал его горло, ощущал грудную клетку, заглянул в ухо. Бурча про себя таинственные латинские выражения, внимательно осмотрел его ноги и зубы, сквозь одежду ощущал живот... В это время Ханс смотрел на Рюйша с нескрываемой ненавистью, в глазах его не было ни страха, ни печали – одна только ненависть, но увлеченный Рюйш не замечал этого. Его надменное лицо было напряженным, но в движениях чувствовалось удовлетворение, казалось, он обнаружил нечто для себя особенное. Рюйш, расстегнув камзол и рубашку Ханса, постучал подушечками пальцев по груди.

– Ардоптеус мутанус, – проговорил он и довольно хмыкнул.

– Ты дьявол... – сквозь зубы проговорил Ханс, глядя в упор на Рюйша. – Дьявол!

Рюйш вздрогнул, поднял глаза и посмотрел на него осознанно, как на живого, интерес в глазах потух, осталось одно лишь надменное презрение.

– Вызови стражу, – вполборота бросил он стоявшему чуть позади Гуго. – Пусть отведут их в тюрьму.

– Слушаюсь.

Фредерик Рюйш повернулся и вышел вон. Движения его были стремительны, он шел к своей цели. Он всегда шел к своей цели и всегда знал, что будет богат и известен. Никогда он не сворачивал со своего пути и не сомневался. Никогда.

Глава 2. Смерть попсе

Последние слова:

– Вы меня не увидите в живых при восходе солнца.

Мишель Нострадамус

Я вошел в квартиру, закрыл дверь на все замки, опустил предохранители.

Теперь, чтобы сломать мою дверь, придется повозиться. Не зажигая свет, подошел к окну. Если за мной кто-нибудь и следил, то уж точно под окном не маячил – стоял в парадной или под домом, чтобы я его не видел. Да-а! Паскудная ситуация... Черт!! Я же не осмотрел квартиру, поразительная беспечность! А вдруг здесь во тьме... От волнения перехватило дыхание. Ожидая увидеть все что угодно, я бросился к выключателю. Под потолком ослепительно вспыхнула люстра. От сердца отлегло, кроме меня, в комнате никого не было. Я обошел квартиру, потом пошел в кухню, заварил кофе. Сегодня, после перенесенного стресса, когда меня чуть не сбил черный автомобиль, работать не хотелось. Да и, честно говоря, работа над последним романом продвигалась вяло. Моя жена Нина, она же по совместительству Муза и домохозяйка, уехала на месяц в Феодосию, оставив меня писать роман. Может быть, бытовая неустроенность – гора посуды в раковине, отсутствие горячей пищи – или мой сорокапятилетний возраст давали себя знать... В последнее время я слишком многое пытаюсь свалить на кризисный возраст, на самом-то деле все обстоит не совсем так. Роман требует чистой головы и уж во всяком случае душевного равновесия, а когда тебе ежедневно угрожают по телефону, а потом еще покушаются на твою бесценную жизнь, и реальность вмешивается в литературу... какой уж тут роман! Жена уехала, оставив меня одного для того, чтобы я писал роман. Но я ведь стараюсь!

Я выпил крепкого кофе и немного успокоился: кофе на меня действует, как валерианка. Если разволновался, например, перед сном, выпиваю кофе и сплю без сновидений. Тем более что последние дни без кофе снятся только ужасы: то редактор говорит, что гонораров нет и не будет, то жена почему-то с кошкой вернулась, хотя и знает, что у меня на кошек аллергия, – все эти ужасы, возможно, связаны со звонками по телефону. Уже неделю кто-то звонил мне и грустным монотонным голосом говорил гадости. Поначалу я воспринял это как идиотскую шутку, потом настроение стало портиться. А сегодня, когда я подходил к своему дому, какая-то черная иномарка выскочила из-за угла, и мне пришлось применить всю свою ловкость, чтобы она меня не сшибла. В юности я занимался рукопашным боем и еще кое на что и сейчас способен. Хотя, выпив двойную порцию кофе и успокоившись, я начал понимать, что выскочивший из-за угла автомобиль никак не связан с телефонными звонками, что это случайность. Мало ли в жизни совпадений...

Уже неделю с того момента, как начались эти проклятые звонки по телефону, я старался понять, чьи интересы я затронул. Я живу спокойной размеренной жизнью, не занимаюсь политическими разоблачениями, не пишу о террористах. Все мои романы так или иначе касаются Петербурга, в котором я живу всю жизнь. Большинство из них построены на легендах и малоизученных исторических фактах о Петербурге и его истории. Например, я раскопал в архивах, что под городом жил древний народ – белоглазая чужь. История эта в свое время получила довольно широкую известность и отражена в моем романе «Живодерня».

Задолго до строительства Петербурга на невских берегах жил древний и загадочный народ, чужь. Жили они в землянках и, когда началось строительство Петербурга, не захотели уходить с насиженных мест и только все глубже в землю зарывались. Тогда Петр, обладавший крутым нравом, повелел поверх землянок город строить. Тогда чужь подрубила сваи, на которых держались землянки. Так гласит легенда. Думали, что все они погибли под гнетом города, но оказалось, что остатки этого народа все-таки остались жить под Петербургом – роют под-

земные ходы и приносят человеческие жертвы богу Атхилопу. Петр вел беспощадную борьбу с этим народом. Изредка только после наводнений всплывали их черные от подземной жизни тела.

Еще я разыскал в исторических архивах неоспоримые доказательства того, что в Неве еще задолго до Петра водились крупные хвостатые существа, по виду напоминающие русалок, а в Кунсткамере даже находилось чучело такого существа, но оно пропало во время блокады Ленинграда. Я писал и о прочих известных и малоизвестных исторических фактах и легендах. Едва ли кого-нибудь могли до такой степени вывести из терпения мои изыскания, что он решил меня убить. А в последнее время я вообще писал роман о голландском враче Фредерике Рюйше. Роман шел туго – не то что не хватало материала, его как раз было в избытке – но сама фигура великого анатома рассыпалась на молекулы ДНК и их было не собрать в один образ. Да еще странное состояние внутренней опустошенности. Пожалуй, такое со мной случалось впервые, обычно опустошенность возникает, когда роман уже написан, а здесь – наоборот. Как будто организм ждал чего-то, что должно вот-вот случиться. Плохого? Хорошего? Кто знает!

Я откинулся в кресле, включил телевизор и прощелкал пультом все тридцать программ. Интересы ничто не вызвало. Все-таки напрасно я сегодня запаниковал, скорее всего с телефонными звонками сегодняшнее происшествие никак не связано. Случайность, пьяный идиот за рулем. Ведь никто никогда не огражден от случайностей, в сущности, все в жизни случайности... Одни случайности... Кофе начинал действовать. Я выключил телевизор, вытянул ноги, положив их на пуфик, и, закрыв глаза, откинул голову назад...

Меня пробудил телефонный звонок. Я встал, остатки сна мгновенно слетели, бросил взгляд на часы – двенадцать часов. Он всегда звонил в это время, чтобы испортить мне сон, – сволочь! Я подошел к телефону, приготовившись к очередной порции оскорблений.

Человек на другом конце провода всегда методично перечислял ругательства, должно быть, переписанные им из словаря синонимов. Всего в списке содержалось двадцать девять наименований, которыми снабжал меня звонивший, я как-то нарочно пересчитал. Причем среди них не было ни одного нецензурного. В контакт он не вступал и на мои словесные выпады никак не реагировал. Как я понял, самым главным для него было, чтобы его выслушали.

Если его прерывали до того, как он закончит, он перезванивал снова и снова начинал чтение списка сначала. Поначалу это было странно: тупица, болван, дуболом, балбес, кретин, негодяй, подонок, дуралей... Потом мне сделалось смешно, но однажды пришел страх. Что за странный человек читает мне в ухо ругательства, которых я не заслуживаю (ну, если и заслуживаю, то уж во всяком случае не все), и не боится, ничего не боится... я звонил в милицию, номер телефона-автомата засекали... Ну и все! Больше не было предпринято никаких действий.

Угрозы в мой адрес не произносились, как мне сказали в милиции, «одни безобидные оскорбления». Это для них безобидные, а для меня, может быть, и обидные. Даже мой знакомый начальник отделения милиции Николай Николаевич сказал, чтобы я на это дело плюнул и что здесь скорее вопрос психиатрический. Может быть, он, конечно, и психиатрический, но мне от этого не легче.

Я подошел к телефону и, подождав пятого звонка, снял трубку.

– Ну, – как бы лениво сказал я, мол, мне до фени, что ты там говорить собираешься, – давай.

При первых же оскорблениях я собирался положить трубку на стеклянную поверхность журнального стола – я так делал всегда, как только он начинал зачитывать свой текст.

– Дядя Сережа, это вы? – я не сразу сообразил, кто говорит. – Я вас не разбудила?

Это была Марина, соседка с верхнего этажа.

– Правильно, что разбудила, а то паршивый сон снился, – сказал я, подавляя зевок.

– Можно я к вам зайду?

– Когда? – не понял я. – Уже двенадцать ночи.

– Да я знаю, но мне очень нужно.

– Что-нибудь случилось, Марина?

– Случилось, – проговорила она шепотом.

Я понял, что она прикрывает рукой трубку. – Ну, тогда, конечно, заходи.

Спросонья я не сразу понял, что голос у Марины встревоженный. Они с матерью жили через два этажа надо мной. Мать Марины, Татьяна Владимировна, работала судьей в прокуратуре и несколько раз приводила меня на закрытые судебные заседания, когда я собирал материал для новой книги. Марине было восемнадцать лет.

Закончив школу, она так и не поступила в вуз и годик решила передохнуть. Отдых затянулся еще на год. Мать всячески старалась устроить ее в высшее учебное заведение, но все оказалось бесполезным: любовь Марины к свободе было не преодолеть.

Я открыл на звонок.

– Ну, заходи, неформалка. Что случилось?

На девушке был брючный костюм с невероятно расклешенными брюками, башмаки на высоченной «платформе». На плече рюкзак, весь в наклейках и нашлепках с надписями, одна из них мне особенно нравилась: «Смерть попсе!», и череп, пробитый здоровенным железным гвоздем. Фиолетовые с оранжевыми вкраплениями волосы были растрепаны, или такая прическа. В ушах поблескивали сережки, по три в каждом ухе, хорошо еще, в носу не было... Черт поймет это новое поколение! Несмотря на всю эту мишуру я сразу заметил, что она встревожена и бледна.

– Маму похитили, – сказала Марина шепотом, кладя рюкзак на стул в прихожей.

– Что значит «похитили»? – тоже почему-то перейдя на шепот, спросил я. Меня вдруг бросило в жар. «Началось», – пронеслось в голове, хотя что «началось», ответить я бы не смог. Но я будто бы ждал этого... Давно ждал. Уже много лет. Столько, сколько пишу свои романы, в которых с героями происходит черт знает что! Ждал подсознательно и боялся тоже подсознательно.

– Проходи, – проговорил я, проглатывая сухой ком.

Мы прошли в гостиную, Марина уселась за стол, я сел напротив. Некоторое время она молчала, глядя куда-то в сторону. Я тоже молчал, давая девушке время собраться с мыслями.

– У вас курить можно? – спросила она, доставая пачку сигарет.

Я встал, достал из горки хрустальную пепельницу и молча поставил перед ней. Курить у меня, конечно, было нельзя. Сам я бросил лет пятнадцать назад, но понимал, что сейчас в этой мелочи ей нельзя отказывать.

– Ты успокойся, – проговорил я почему-то взволнованно, – а потом рассказывай.

Меня очень обеспокоило ее сообщение. Пожалуй, я волновался сейчас больше нее.

– Да я спокойна уже, – проговорила Марина, выпуская струйку дыма.

– Так кто маму похитил? – спросил я, внимательно глядя на девушку, что-то меня настолько раживало в ее виде, манере поведения... но я не понимал, что. – Черт их знает! Два дядьки каких-то, один лысый, на Шнура похож, второй кучерявый...

– На какого шнура?

– Вы чего, дядя Сережа, Шнура не знаете? – она сморщила презрительную мину. – Певец клевый... Уж я никак не думала, что вы, писатель, и Шнура не знаете, – она брезгливо сложила губки, и мне стало вдруг стыдно, что я не знаю какого-то Шнура.

– Да подожди ты про Шнура, – я придвинулся ближе к столу. – Ты давай все по порядку рассказывай – какие дядьки, откуда взялись.

– Да я сама не знаю, что за дядьки. В последнее время мама стала нервная какая-то: орет все время. На работе у нее неприятности были, что ли. Она, наверное, догадывалась, что они за ней придут, потому что вчера мне говорит: «Ты, Марина, если что, залезай в тайник и тихо

сиди, что бы ни случилось. А потом, когда все утихнет, беги к дяде Сереже с восьмого этажа, он знает, что делать...»

– Я знаю, что делать?! – изумился я. – Откуда?!

– Ну, мама так сказала, – пожала плечами девушка. – Я-то при чем?

Она стряхивала пепел в пепельницу, но попадала в нее нечасто, пепел падал на стеклянную поверхность стола. Но это вопреки всему меня не раздражало. – Но почему ко мне?! – я недоуменно пожал плечами. – В милицию нужно было звонить.

– Да я звонила, – грустно сказала девушка. – Они уже приезжали – все осмотрели, записали и уехали. Вот я к вам, как мама велела, и пришла. Она сказала, что вы знаете, что дальше делать.

– Да не знаю я ничего, – это начинало меня раздражать – мало у меня своих заморочек: мне вон роман писать нужно, договор с издателем уже заключен...

Я встал от волнения, но тут же сел. Марина посмотрела на меня внимательно и затушила сигарету в пепельнице.

– Тогда, может, она вам передать не успела, – пожала плечами девушка. – Странно, конечно.

– Чего передать?! Ты расскажи подробно, как все произошло.

– Ну, вот я и говорю. Мама велела мне спрятаться в тайник, как все начнется...

– «Все» – это что? – перебил я.

– Да я и сама еще не знала. Но тайника этого я жуть как боюсь. Он у нас за ковром, небольшая такая комнатка. Его, если не знаешь, не найдешь. Но я маме-то, конечно, пообещала, что спрячусь в нем, а сама думаю: нет уж, фиг!.. У нас там барабашка живет. Он там храпит и постукивает.

– Какой барабашка?

– Ну, вы чего, дядя Сережа, и барабашку не знаете?! – девушка изумленно вскинула брови. – Ничего себе писатель!

– Ты давай эрудицией не блистай – то Шнур, понимаешь ли, то барабашка...

– Ну это же домовый обыкновенный. Он у нас уже лет десять живет. Все тырит из комнаты, а потом мы вещи свои в этом тайнике находим, а он...

– Да понял я, понял, – нетерпеливо перебил я. – Давай про барабашку и инопланетян в другой раз поговорим. Ты мне суть излагай.

Говорить с девушкой было сложно: она меня нервировала. Нервировало в ней все: и этот вид, и манера держаться, и цвет волос... Ну, словом, нервировала!

– Я же сначала, как вы просили. Так вот: сегодня в девять где-то вечера звонок в дверь. Мама в глазок посмотрела, ко мне бросается, хватает в охапку и в тайник запикивает. Я даже опомниться не успела. Тихо, говорит, сиди, иначе убьют, а за меня не беспокойся, иди потом к дяде Сереже с восьмого этажа. Ну я, как дура, сижу в этой каморке папы Карло, от ужаса чуть не поседела, – девушка отодвинула от себя пепельницу. – В комнатке этой есть щелка, и если вбок смотреть, то видно, что в левой части комнаты происходит. Входят два дядьки – один лысый, на Шнура похожий. Он и говорит: «Где документы?» Мама как-то так сразу испугалась, побледнела. «У меня, – говорит, – их нет». Тогда другой говорит: «Ну чего с ней разговаривать, отведем к нам в офис, там она быстро заговорит». Они взяли маму под руки и вывели из квартиры.

– И мама не сопротивлялась?

– Нет, абсолютно – спокойненько пошла.

– А ты, значит, так и сидела в этой потайной комнате?

– А чего мне было делать! Я там от ужаса пошевелиться боялась. И вообще, я больше барабашку боялась, чем этих мужиков, – повела плечами девушка. – Как они ушли, я в милицию позвонила, а потом к вам вот спустилась, как мама велела.

Пока Марина рассказывала, я вспоминал мою последнюю встречу с ее матерью, случившуюся три дня назад на лестничной площадке. Тогда Татьяна Владимировна, женщина лет пятидесяти пяти, выглядела действительно растерянной. Она сказала, что у нее имеются сведения, которые меня как литератора могут заинтересовать. Обещала зайти, но, как видно, не успела.

– А что сказали милиционеры?

– Чего они могут сказать? Сказали, что будут искать.

– Слушай, Марина. Я, конечно, понимаю, что тебе мамины дела до фени, – начал я. – Но, может быть, она говорила что-нибудь тебе о них последнее время?

– Меня и милиционер спрашивал то же. Да нет, ничего не говорила.

Все произошедшее было довольно странно. Скорее всего похищение Татьяны Владимировны связано с ее служебной деятельностью. В то же время было совершенно очевидно, что Марине возвращаться домой и ночевать одной нельзя. Она видела этого Шнура и теперь становилась опасной свидетельницей. Неясно, какая роль в этом спектакле была отведена мне. Может быть, Татьяна Владимировна, хватаясь за любую соломинку, назвала первого попавшегося, кто пришел в голову. Во всяком случае я – человек более или менее благонадежный, и ехать далеко не нужно: на лифте две остановки... И все же что-то настораживало меня в рассказе девушки...

– Ну и что мы будем делать? – спросил я, не ожидая ответа от Марины, скорее, самого себя.

Марина пожала плечами.

– Я выкурю еще сигаретку, дядя Сережа?

– Кури.

Я посмотрел на девушку внимательнее. Личико у нее могло быть симпатичное, если бы не портил его весь этот выпендрей: эти торчащие перьями разноцветные, как у попугая, волосы, немыслимые с блестками тени над глазами, лак на ногтях... Ну что это за лак?! Марина была среднего роста и сложена пропорционально. Если бы не болезненное желание выделиться из общества и наплевать на него своим видом. Вот я какая! Смерть попсе! А я из своего ретро выглядываю с некоторым ужасом... я ведь даже Шнура не знаю. Не-ет! Мы такими все-таки не были!

Марина курила молча, иногда поглядывая на меня. Я тоже молчал.

– Ну, значит, так, – когда она потушила сигарету в пепельнице, начал я, – дома тебе появляться нельзя, это ясно, ты теперь свидетельница...

– Свидетельница Иеговы?

– Ты, наверное, не совсем понимаешь всю серьезность, – проговорил я, сверля Марину строгим взглядом. Мне было даже приятно, что я, такой серьезный человек, поучаю эту молоденькую неразумную девушку. – Тебе как свидетельнице запросто твой любимый Шнур может отрезать голову и отправить вместе с ней к Иегове.

– А где я жить буду? – спросила Марина с каким-то вызовом, как мне показалось.

– Ну, поживешь пока у меня, у меня две комнаты. Я в кабинете спать буду, а ты здесь ляжешь. Тем более ты здесь накурила – тебе и дышать. Завтра утром будем думать, что делать дальше. Тебя такой вариант устраивает?

– Устраивает. А у вас жена когда приедет?

– Только через неделю, к сожалению, – сказал я.

– Значит, целую неделю вы совершенно свободны. А вы не боитесь с женщиной в одной квартире? – она как-то ехидно посмотрела мне в глаза.

– Что?! Я тебе дам «с женщиной»!

Мне и в голову не приходило, что неформалка Марина может считать себя женщиной... Странно, а почему не приходило? Наверное, есть молодые люди с серьгами в носу, кислотники

со спущенными для понта штанами, как сейчас модно, в бесовских татуировках, которые видят в ней женщину.

– Иди мойся, я постелю тебе на диване, а сам еще немного поработаю, мне роман нужно через три месяца сдавать, а у меня конь не валялся... Да не расстраивайся, – я обнял Марину за плечи, – найдем мы завтра твою маму. Я в милицию позвоню – у меня начальник отделения знакомый.

Глава 3. Фредерик Рюйш. Детство, отрочество, юность

Последние слова:

– Да не покинет меня Бог никогда!

Блез Паскаль

Фредерик Рюйш родился в 1638 году в Гааге. С детства его тянуло к естественным наукам, и он с душевным трепетом и восторгом отрывал ножки мухам, вскрывал им животики маленьким ножичком, препарировал кузнечиков и ящериц, в более осознанном возрасте подбравшись к мышам и кошкам. Фредерик был любознательным и развитым мальчиком с хорошей памятью. Нередко отец наказывал его за излишнее усердие и интерес к внутреннему, но не к внешнему. Отец не мог уразуметь, что может привлекать Фредерика в Божией епархии – во внутреннем мире живых существ. И как вообще можно разобраться в этих переплетениях кишок и органов мертвой крысы, где сам черт ногу сломит?! И казалось ему что перепутано все это нарочно и бессмысленно, так, чтобы заморочить честных людей.

Но маленький Фредерик с интересом копался в этом добре, выискивая закономерности и соответствия, не оставляя своих занятий порой до позднего вечера. Кроме этого страстного увлечения, в праздничные дни Фредерик, как, впрочем, и многие мальчишки счастливого и беззаботного возраста, любил бегать смотреть казни. Он приходил всегда заранее и, подбравшись поближе к эшафоту, с интересом наблюдал за приготовлениями и, в особенности, за самой казнью. Но делал это не как все мальчишки – с замиранием сердца, но с каким-то особым затаенным вожделением и научным любопытством, впитывая в себя каждую кажущуюся незначительной мелочь. Как ломается шейный позвонок под тяжестью повешенного, как конвульсивно вздрагивает и извивается его тело... и, если тяжести тела осужденного недостаточно, палач обхватывает ноги преступника и виснет на нем, удвоив вес и сокращая страдания несчастного. И почему после этой нехитрой операции человек умирает почти мгновенно. Особенно же привлекали любознательного Фредерика казни через усекновение головы. Гильотин в то время еще не было. Предложенную парижским врачом-гуманистом Жозефом Гильотеном машину для безболезненного обезглавливания ввели в эксплуатацию только в 1792 году. А до тех пор головы в Голландии рубили мечом. Фредерик тянулся к плахе, изо всех сил высматривая подробности отсечения головы, чтобы дома, уединившись, обдумать это действие, в деталях воспроизводя его в памяти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.